

УДК 81'373.45:81'23
Doi 10.26456/vtfilol/2026.2.108

ИНОЯЗЫЧНОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК ФАКТОР КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВИЗАЦИИ

Ю.Э. Войчишина¹, В.А. Миловидов²

¹ Московский государственный институт международных отношений
(университет), г. Москва

² Тверской государственный университет, г. Тверь

Выдвигается предположение, что проникновение иноязычного заимствования в индивидуальный лексикон является триггером перестройки когнитивной картины мира, которую можно описать в терминах перспективизации (ре-перспективизации) и рефрейминга.

Ключевые слова: когнитивная картина мира, перспективизация, ре-перспективизация, рефрейминг.

Иноязычное заимствование – один из факторов развития языка и культуры. Этот фактор описан в значительном количестве научных источников (см., например: [4; 7; 8] и др.) – одно их перечисление заняло бы не одну страницу. Вместе с тем, иноязычное заимствование может рассматриваться и как фактор развития человека (слово *развитие* в нашем случае лишено как позитивных, так и негативных коннотаций, поскольку описывает просто факт *трансформации* – вне оценки) и, в частности, его когнитивной сферы. Это вполне логичное утверждение: поскольку когниция тесно связано с языком и речью, трансформация языковой системы трансформирует и когнитивную картину мира. С другой стороны, все изменения в языке, как и прочие изменения в человеке (человек, по Паскалю, прежде всего – *мыслящий тростник*) предопределены мыслительной деятельностью *homo loquens*, которая как раз и описывается в когнитивной лингвистике.

Поэтому нас интересует, с одной стороны, мотивационная база, обеспечивающая процесс иноязычного заимствования, а, с другой, когнитивные последствия этого процесса. Связывают эти стороны феномена заимствования те изменения, которые происходят в сознании языковой личности как агента и бенефициара процесса заимствования иноязычного слова, иноязычного фразеологизма, иных языковых фактов, характерных для передающего языка и привлекательных для языка принимающего.

Иноязычные заимствования, как известно, проникают в принимающую культуру по целому ряду причин. Они могут заполнять лакуны, возникающие в языке в силу усложнения действительности как референтной базы языка: появление новых образцов техники, новых научных концепций, элементов быта, культурных феноменов, для

которых нет средств номинации на языке родном, провоцируют заимствование иноязычных терминов, которые и заполняют эти лакуны. Заимствование осуществляется и тогда, когда возникает необходимость в стилистической дифференциации средств номинации. Заимствование мы наблюдаем и тогда, когда заимствующая культура повинуетя таким мотивам, как мода, желание следовать «духу времени» и т.д.

И во всех этих случаях мы сталкиваемся не просто с фактом проникновения в принимающий язык чужого слова и фразеологизма (это – поверхностный слой процесса, который чаще всего и описывается в работах лингвистов), но с фактором более или менее глубинной перестройки определенного фрагмента когнитивной сферы принимающего заимствование языкового сознания, более или менее значительной трансформации когнитивной картины мира: чтобы стать элементом языковой системы, языковой факт должен пройти через речевые процедуры и «осесть» в языковом материале (как то предполагает трехчастная модель Л.В. Щербы [14: 24-38]), а речевая деятельность есть процесс, в рамках которого языковой инструментарий вступает во взаимодействие с когнитивной сферой.

Когнитивные процессы, не поддающиеся непосредственному наблюдению, могут быть описаны на основе косвенных свидетельств, в рамках гипотетико-дедуктивного метода. При этом верификация результатов, достигнутых относительно нашего материала в пределах данного подхода, если и может быть получена, то лишь в относительном будущем. Но и сейчас, исходя из наработок современной когнитивной лингвистики и психолингвистики, можно строить достаточно внятные гипотезы относительно различных процессов, происходящих в языковом сознании, в частности, тех, что относятся к феномену иноязычного заимствования.

Мы исходим из предположения, что когнитивная картина мира в своем существовании подчиняется законам функционирования нелинейных хаотических систем, и ее развитие основано на механизмах, описанных в теории хаоса. Гипотетико-дедуктивный метод, в свое время разработанный, в том числе, Ю.С. Степановым, позволяет совершать выводение «дедуктивным путем различных следствий из <уже> выдвинутых теорий» [12: 119]. Когнитивная картина мира системно связана с картиной языковой и, в целом, с различными фрагментами языковой системы, к которым в первую очередь может быть отнесен ментальный лексикон, функционирование и развитие которого, как показано в современной науке, подчинено логике хаотических (нелинейных) систем: «Изучение самоорганизующихся живых систем, к которым относится и ментальный лексикон, связано с осознанием их хаотической динамики, которая характеризуется резкими изменениями состояний в периоды нестабильности» [5: 27]. В качестве следствия из теории, описывающей ядро ментального лексикона, мы можем, как это

предписывает гипотетико-дедуктивный метод, предположить, что и системно связанная с лексиконом и языковой картиной мира когнитивная картина, а также ее разнообразные фрагменты подчиняются сходной логике – со всеми вытекающими следствиями (наличие странного аттрактора, формирование зоны бифуркации в точке возмущения, флуктуации системы и, как результат, полное или частичное изменение состояния системы).

Нестабильность ментального лексикона как хаотической системы, равно как и нестабильность когнитивной картины мира наблюдается, в частности, в периоды интенсивного импорта культурой иноязычных и инокультурных феноменов. К такого рода периодам вполне можно, по мнению лингвистов, отнести последние десятилетия прошлого века и первое десятилетие века нынешнего, когда, наряду со значительным количеством реалий технического, экономического, политического и проч. свойства в русский язык и речь россиян вошло множество слов и фразеологизмов, номинирующих эти реалии. Причем, если иметь в виду, так сказать, внешний вид этих слов и фразеологизмов, их, если можно так выразиться, *одежку*, по которой мы обычно встречаем новую лексическую или фразеологическую единицу (что важно, поскольку является триггером когнитивных процессов, которые начинают происходить в воспринимающем эти единицы сознании), то в значительном количестве случаев это были английские слова, часто данные в своем изначальном облике, то есть, исполненные латиницей.

Нам уже приходилось писать о последствиях воздействия этого потока англицизмов на языковое сознание россиянина и актуальную для него когнитивную картину мира [2]. Продолжая этот разговор, мы остановимся на самих когнитивных процессах, которые сопровождают процесс заимствования и провоцируют пусть частичную, но перестройку когнитивной картины мира в ситуации нестабильности, хаотизации когнитивной сферы.

Попадание иноязычного слова и/или фразеологизма в принимающую культуру запускает процессы, которые, пусть и частично, но способствуют перестройке когнитивной картины мира, актуальной для индивидуума, и, соответственно, его языка. Эти процессы могут быть описаны в терминах перспективизации (ре-перспективизации) и рефрейминга, достаточно устоявшихся в когнитивной лингвистике.

О перспективизации, в частности, пишет в своих работах О.К. Ирисханова. С точки зрения исследователя, перспективизация есть «...процесс, направленный на изображение объекта под некоторым углом зрения...», она «...указывает, подобно другим когнитивным терминам, на относительность и субъективность знаний и представлений человека о мире» [6: 30]. Эта относительность в значительной степени обусловлена и языковыми средствами: ре-номинация объекта действительности видоизменяет перспективу его восприятия и,

соответственно, его онтологические характеристики: «...одно и то же событие, как известно, может получить разное вербальное описание; один и тот же объект, описанный разными словами, нередко воспринимается как нетождественные сущности...» [там же]. Отсюда два важных следствия: во-первых, как нетождественная самой себе сущность может восприниматься объект, ре-номинация словом, заимствованным из чужого языка; и, во-вторых, сам акт ре-номинации (реальной или же потенциальной – когда иностранное заимствованное слово не ре-номинация уже существующий объект, а номинирует его в первый раз, как, допустим, в случае с проникновением на внутренний рынок предмета, доселе на нем не представленного) видоизменяет перспективу восприятия ре-номинация объекта и его, соответственно, характеристики – естественно, не его объективные характеристики, а те, что приписывает ему сознание реципиента.

Факты такого рода ре-номинация (реальных или потенциальных) позволяют говорить о том, что в процессе восприятия и адаптации иноязычного слова происходит не только процесс ре-номинация, но и процесс ре-перспективизация (о ре-перспективизация как процессе смены когнитивной перспективы см.: [9]), а также спровоцированный им процесс – пусть и частичного, но рефрейминга фрагмента когнитивной картины мира, содержащей представление (понятие, концепт) ре-номинация объекта.

Рефрейминг, как следует из самой семантики термина, есть перестройка структуры когнитивной картины мира [1] (см. также: [10; 11; 13]), которая обеспечивается проникновением в нее элементов, способных сформировать точку бифуркации, а, поскольку когнитивная картина мира есть – пусть и хаотическая, но система, – такого рода процесс, протекающий в одной ее точке, способен осуществить ее частичную, а, может быть, и полную перестройку (рефрейминг). Понятно, следует при этом учитывать факт и противоположно направленных процессов, нацеленных на сохранение стабильности системы, но, так или иначе, в результате взаимодействия разнонаправленных перспектив, при доминировании той, что спровоцирована иноязычным заимствованием, происходит трансформация когнитивных фреймов, отвечающих за процессы семантизации тех или иных лексических или фразеологических единиц, относящихся к объектам действительности.

Не исключено, что подобные объекты, а, точнее, их концепты, ставшие объектом ре-номинация, в перспективе занимают в когнитивной картине мира позицию странных аттракторов, к которым будут сходиться линии последующих процессов заимствования.

В качестве иллюстрации мы могли бы привести судьбу терминологической пары *ЭВМ – компьютер*, как она сложилась в русском языке (и, соответственно, когнитивных картинах мира языковых

личностей, для которых пользование данной техникой составляет важную часть жизнедеятельности).

Как показывают специальные исследования, термин *электронная вычислительная машина* появился в русском языке в середине 40-х годов прошлого века – именно тогда, когда появились первые ЭВМ. До 70-х годов термин *компьютер* в русском языке практически не используется, и входит в употребление лишь в 80-е годы, после чего активно вытесняет из речевой практики термин *ЭВМ*. Последний с тех пор в словарях получает помету *устаревший* [3: 534]. На 2021 год данные «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ) таковы: ЭВМ в основном корпусе – 1 158 вхождений, компьютер – 9 547 вхождений [указ. соч.: 535].

Обосновавшись в лексиконе русского языка и, соответственно, в актуальной для русских когнитивной картине мира, термин (и концепт, вербализуемый этим термином), вероятно, стал моделью (аттрактором) для номинаций и ре-номинаций иных «продвинутых» электронных устройств, входящих в обиход русского пользователя: *смартфон, айфон, андроид, планшет*: для номинации этих объектов мы используем, как показывают приведенные примеры, исключительно заимствованные лексические единицы, что свидетельствует о практически полной перестройке (рефрейминге) данного фрагмента когнитивной картины носителя русского языка и, соответственно, всей когнитивной картины в целом.

Конечно, отсутствие на рынке отечественных устройств данного типа мешает нам до конца проверить выдвигаемую в данной статье гипотезу, но, если бы такого рода «родная» техника появилась не только в России, но и стала бы активно экспортироваться за ее рубежи, авторы получили бы возможность проверить свои предположения не только на материале русского языка, но и применительно к иным языкам. Впрочем, это могло бы быть отнесено к перспективам исследования.

Список литературы

1. Бендлер Р., Гриндер Д. Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевых стратегий. Перев. с англ. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 256 с.
2. Войчишина Ю.Э, Миловидов В.А. Графическое заимствование как прецедентный феномен // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2025. №2 (85). С. 22–28.
3. Дедова О.В., Мао Юйянь. Лексические способы наименования персонального компьютера в современном русском языке // Мир науки, культуры, образования. № 3 (88), 2021. С. 534–537. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/leksicheskie-sposoby-naimenovaniya-personalnogo-kompyutera-v-sovremennom-russkom-yazyke.pdf. Режим доступа: 25.03.2026
4. Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. М.: Наука, 2001. 410 с.

5. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: автореф. дисс. док. филол. наук. 10.02.19 Теория языка. Тверь: Тверской государственной университет. 2005. 44 с.
6. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры. 2014. 320 с.
7. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ 2017. 398 с.
8. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
9. Леонтьева К.И. Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс (на материале русских переводов произведений англоязычной литературы XIX-XX веков): автореф. дисс. ... док. фил. наук. 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание; 10.02.19 – теория языка. Тверь: Тверской государственной университет. 2021. 42 с.
10. Молчанова Г. Г. Когнитивный рефрейминг как эффективное средство предвыборной аргументации (сопоставительный аспект) // Вестник Московского университета. Серия 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 7–15.
11. Одинцова И. В. Фрейм, фрейминг и рефрейминг в лингводидактике // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 73–80.
12. Степанов Ю.С. Проблема общего метода современной лингвистики // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов. М., 1974. с. 118–126.
13. Тамочкина О. А. Проект, фрейминг, рефрейминг, прайминг как психолого-педагогический инструментарий в модели развития творческого потенциала студентов вуза // Вестник Университета Российской академии образования. 2019, № 2. С. 33–41.
14. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая модель и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 24–38.

Об авторах:

ВОЙЧИШИНА Юлия Эдуардовна – преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России (119454, Москва, проспект Вернадского, 76), e-mail: juliana8716@gmail.com

МИЛОВИДОВ Виктор Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета, (170100, г. Тверь, ул. Желябова 33), e-mail: vik-milovidoiv@yandex.ru

FOREIGN LANGUAGE BORROWING AS A FACTOR OF COGNITIVE AND DISCURSIVE PERSPECTIVIZATION

J.E. Voichishina¹, V.A. Milovidov²

¹Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow

²Tver State University, Tver

It is suggested that the penetration of foreign language borrowings into the individual lexicon is a trigger for the restructuring of the cognitive picture of the world, which can be described in terms of perspective taking (re-perspective taking) and reframing.
Keywords: *cognitive picture of the world, perspective taking, re-perspective taking, reframing.*

About authors:

VOICHISHINA Julia Eduardovna – Lecturer at Department of English № 1, MGIMO MFO of the Russian Federation (119454, Moscow, Prospekt Verdnadskogo, 76); e-mail: juliana8716@gmail.com

MILOVIDOV Victor Alexandrovich – Doctor of Linguistics (Philology), Professor at the Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova 33); e-mail: vik-milovidoiv@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.03.26
Подписана в печать 05.04.26

© Войчишина Ю.Э.,
Миловидов В.А., 2026